

12. В области научного знания принцип динамической конвенциональности дает возможность считать любое данное состояние научной дисциплины частью целого, формируемого из национальных научных парадигм, в котором максимальным приближением к истине может обладать только само целое, но ни одна из его частей.

Сама культурно-антропологическая постановка вопроса о функциональной специализации этнических культур, и соответственно, их представителей, имеет многочисленные прикладные приложения. Так, рассматривая проблемы современных миграционных потоков в Россию / из России, можно прогнозировать национальный и профессиональный состав, а также количество потоков трудовых мигрантов, чьи передвижения, как хорошо известно, определяются не только экономическими и политическими факторами. Изучение этнической ментальности с позиций учета социальной активности ее носителей позволяет прогнозировать влияние диаспор на климат межнациональных отношений в стране, на перспективные тенденции развития культуры и социальных процессов многонациональных государств. Экстраполяция принципа динамической конвенциональности на развитие науки в стране позволяет выявлять точки роста и стагнации, определять тупиковые направления исследований и своевременно избегать их. Более того, данный принцип позволяет по-новому оценить возможности поиска научной истины в условиях априорной неполноты и парциальности каждой данной научной сферы. Особенно важным становится данный аспект в контексте попыток реформирования отечественного образования, гуманитарная составляющая которого уже долгие десятилетия вызывает закономерную критику и требует качественной трансформации с целью формирования у учащихся полной и достоверной научной картины мира, построенной с учетом гуманистических ценностей и требований современного мира [1].

Как можно убедиться, современная культурная антропология обладает высоким прогностическим потенциалом и может применяться в качестве методологического основания как для проектирования социальных процессов, так и развития научного знания. Наука, изучающая собственно человеческий способ бытия, должна занять свое место фундамента исследований компонентов этого бытия – общества, науки, религии, государства.

Литература

1. Оленев С. М. Современные реформы образования в России: Контекст, проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6. С. 186–191.
2. Полосин Н. Н. Культурная антропология как теоретико-методологическое основание исследования современных межкультурных коммуникаций: гносеологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). Ч. 2. С. 442–444.

УДК 940.1 (450)

Тельменко Елена Павловна

«ПОЖЕЛАЛ СЛУГА БОЖИЙ ПРЕВРАТИТЬ ДЕНЬ РАСПУТСТВ В ДЕНЬ БЛАГОРАЗУМИЯ, СВЯТОСТИ И ПОЛЬЗЫ ДЛЯ ДУШИ»

В статье рассматриваются практики по организации «костров суеты» во Флоренции кон. XV в. При этом особое внимание уделяется связи савонаролианских «благочестивых» праздников с карнавальной культурой.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, карнавал, реформа, «костер суеты».

Telmenko Elena P.

«THE SERVANT OF GOD WISHED TO TURN THE DISSOLUTE DAY INTO THE DAY OF PRUDENCE, HOLINESS AND GOOD FOR THE SOUL»

This article deals with practice on organization of «bonfire of vanities» in Florence in the late 15th century, at the same time special attention is paid to connection between Savonarola «pious» holidays and carnival culture.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, carnival, reform, «bonfire of the vanities».

В 90-е гг. XV в. Флоренция являлась одним из ведущих политических и культурных центров Италии эпохи Возрождения, становясь полем активной реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. При осуществлении нравственных преобразований жизни горожан Савонарола, помимо прочего, прибегнул к практике организации так называемых «костров

суеты» – актов уничтожения предметов, отвлекавших жителей избранного Богом города от простой, целомудренной и благочестивой жизни.

Тема «костров суеты», устроенных доминиканцем во время карнавалов 1497 и 1498 гг. до сих пор привлекает исследователей. При этом стоит отметить значительную эволюцию в подходах к постановке проблемы и выборе ракурса исследования. Так, историки XIX в. и отчасти XX в. рассматривали действия по уничтожению «суеты» либо как проявление вандализма, либо в качестве кульминационных моментов в духовной эволюции горожан, призванных обозначить факт обращения флорентийцев к истинной вере, очищенной от всяческих пороков [14, с. 395; 16, с. 372]. Авторы научных работ второй половины XX в., очевидно, признав, что подход с позиций «прогресс – регресс» мало что дает для объяснения сути явления, обратили внимание на то, что данные акции Савонаролы не отличались принципиальной новизной, поскольку практиковались другими проповедниками, что предоставило превосходный повод для сравнительного анализа [11, р. 149; 17, с. 124]. В кон. XX в. – нач. XXI в. ученые, работающие в русле исторической антропологии и новой культурной истории, предложили иное видение феномена «костров суеты» – с позиций длительной временной протяженности, и обратились к вопросу о связи савонаролианских «духовных празднеств» с народной карнавальской культурой [6, р. 217, 229; 1, р. 163–186]. Подобный подход предоставляет возможность по-новому осмыслить сущность карнавальной реформы Савонаролы, в том числе попытаться проанализировать и оценить характер и глубину изменений, произведенных монахом при преобразовании масленичных обычаев в праздник «благочестия».

В анонимной канцоне, исполненной во время одного из савонаролианских карнавалов, и представляющей собой диалог между флорентийцем и убегающим из реформированной Флоренции Карнавалом, горожанин язвительно вопрошает беглеца: «Где твои мальчики? Шалашики (сарапписци), шесты (stili) и камни (sassi), джостры и многочисленные развлечения?». В ответ Карнавал с печалью заявляет: мальчики – «моя погибель», а по прибытию в развращенный Рим, обращаясь к сочувствующему ему окружению, уточняет, что во Флоренции ему была уготована смерть на костре, для чего «мальчики... подготовили шалашик» [4, р. 3–4, 13]. Итак, «мальчики» – флорентийская молодежь – представлены в этом диалоге в качестве главных участников карнавальных торжеств, обычной практикой которых были «шалашики, шесты и камни».

В «Жизнеописании блаженного Иеронима Савонаролы», написанном автором, жившим на рубеже XV–XVI вв. [2, р.142], можно обнаружить объяснение сути этих карнавальных забав. Развлечения с «шестами» заключались в том, что молодые люди «брали длинное бревно и перегораживали им общественную улицу, когда шел какой-либо человек, и особенно молодая женщина, им не позволяли пройти, покуда те не давали деньги, которые они затем тратили на собственные наслаждения и на приятную тщету» [8, р.123]. Особое внимание юношей к молодым, недавно вышедшим замуж женщинам, позволило Дж. Чаппелли выдвинуть предположение о том, что по мотивам этот сбор пошлины за проход напоминает шаривари, во время которых холостая молодежь собирала плату за вновь заключенные супружеские союзы, компенсируя таким образом недостаток женщин на брачном рынке, и пуская собранное на устройство развлечений [6, р. 137].

«Шалашики», в свою очередь, представляли собой установленные на улицах «большие шесты ... к которым были приставлены фашины, хворост и бревна с тем, чтобы сжечь в вечер карнавала» [8, р. 123]. По сути, капаннуччи выполняли во время масленичных торжеств несколько функций. Вечером, в холодный месяц февраля они служили источником тепла и света. На масленицу, писал Джорджио Вазари в биографии художника Бартоломео из Сан Марко, «по городскому обычаю на площади устраивали соломенные или деревянные шалашы, а во вторник вечером по древнему обычаю сжигали их с любовными танцами, во время которых мужчины с женщинами, взявшись за руки, кружились вокруг костра, распевая разные песни» [15, с. 489].

Однако днем капаннуччи выступали центрами иного рода активности – агональной. «Неоднократно случалось так, – отмечал современник Савонаролы, – что в день означенного карнавала рядом с этими шалашиками происходило множество сражений, когда с камнями, а когда с оружием, чтобы сжечь шалашик друг друга, и одна партия сражалась с другой с такой яростью, что часто погибали люди» [8, р. 123]. Итак, сооружение шалашиков оказывается связанным с другим развлечением молодежи – игрой в камни. Сходное свидетельство, подтверждающее данную связь, оставил флорентийский горожанин Джованни Камби. Описывая возврат к прежней практике масленичных торжеств после смерти Савонаролы, он сообщает, что во время «Карнавала дьявола», в «жирный

вторник» 12 февраля 1499 г. «в городе было сооружено 15 капаннуччи», вокруг которых собрался народ; затем все эти группы были объединены в две партии, которые перешли к сражению с применением камней, а после и оружия. Поскольку драка сопровождалась смертельными исходами, должностные лица флорентийской синьории приказали «сжечь днем все эти шалашики», дабы к вечеру избежать новых беспорядков [3, р. 136–137].

Итак, игры в камни представляли собой состязания, имитирующие военные действия, шалашики – своего рода символический центр отдельной группы участников, захват и сожжение которого означал ее проигрыш. Число упомянутых Камби капаннуччи (15) близко к количеству гонфалонов (16) – территориально-административных округов Флоренции, поэтому вполне вероятно, что стычки происходили между территориальными группировками; игра шла на выбывание, и в итоге происходило финальное сражение между двумя командами, прошедшими нечто вроде «отборочно-го турнира» [6, р. 129–136].

При описании акций, устраиваемых Савонаролой во Флоренции с целью ее духовного преобразования, термин «сарапписсио» вновь появляется у авторов – современников событий: шалашики флорентийской молодежи сменяются одним большим сооружением («un gran sarappissio» [8, р.130]) – костром тщеты, организованным на площади Синьории в дни «благочестивых» карнавалов 1497 и 1498 гг. И именно здесь, как утверждал Карнавал в упомянутой выше канцоне, ему был сбережен «прекрасный уголок», чтобы сжечь во имя веры [4, р. 13].

Об устройстве костров 1497 и 1498 гг. мы можем судить на основе подробных описаний, оставленных очевидцами. Причем, сохраняя прежний термин («сарапписсио»), авторы свидетельствуют о ярко выраженной назидательной функции сооружений. Конструкция, возведенная в 1497 г. на площади Синьории, представляла собой восьмигранник, «по типу пирамиды» высотой 30 и шириной каждой стороны в 15 локтей. Каждая сторона была устроена в виде расположенных друг над другом ступеней, на которых в тематическом порядке размещались изъятые у горожан молодыми приверженцами Савонаролы суетные вещи [8, р. 130–131; 10, р. 92]. Отдельно было выставлено: все, что служило услаждению слуха – различные музыкальные инструменты и нотные записи; сладострастные сочинения поэтов и писателей; непристойные произведения живописи и скульптуры; разнообразные приспособления для азартных игр; женская суета – косметика, духи, накладные волосы, зеркала; карнавальная «чертовщина» – маски, бороды, парики. Сооружение венчала фигура Карнавала, «настолько чудовищная и безобразная, что с трудом можно вообразить такую», – как охарактеризовал ее Псевдо-Бурламакки. Костер суеты 1498 г., по словам этого же автора, представлял собой «большое сооружение, украшенное лучше прежнего», «по форме и модели напоминающее предыдущее, на вершине которого находился древний змей и на нем восседал Люцифер с семьей смертными грехами» [8, р. 132–133]. Дж. Бенивьени также указывал, что Карнавал здесь был выставлен в качестве предводителя семи смертных грехов «в виде настолько гнусного и отвратительного монстра, насколько можно вообразить», и символизировал пороки «ложных христиан» [4, р. 21–22].

Здесь следует обратить внимание на еще один термин, употребляемый в источниках для обозначения сооружений, предназначенных для уничтожения суеты. Так, в текстах эта конструкция называется также «триумфом (trionfo)» [8, р. 134; 5, р. 232]. Примечательно, что Дж. Вазари в своих Жизнеописаниях «триумфами» именует тематические колесницы, изготовлявшиеся в эпоху Лоренцо Великолепного для проведения карнавальных шествий [15, с. 702]. Как отметил в своем исследовании А. Шастель, «за отсутствием точных дат, первые такие колесницы можно отнести к 1480 г., а последние – к 1490», практика их применения была возобновлена в 1511 и затем в 1515 гг., что «было воспринято как "возвращение эры Медичи"» [18, с. 157]. Возможно, великолепие триумфальных повозок, организованных Лоренцо, произвело на горожан столь сильное впечатление, что термин, связанный с драматической (или статической) репрезентацией, вдохновленной римской историей и классической культурой, без труда был перенесен авторами сочинений на сооружения, наполненные иным смыслом. К тому же, эту легкость перенесения можно связать с тем, что Лоренцо, по сути, не был изобретателем тематических колесниц, он лишь модифицировал еще более раннюю традицию представлений на темы Св. Писания, устраиваемых религиозными братствами флорентийцев во время праздника святого покровителя города – Иоанна Крестителя. Так, П. Вентроне приводит свидетельства современников о таких инсценировках, устроенных в 1439, 1451 и 1454 гг., где речь идет о «повозках» или «сооружениях», как, по замечанию итальянской исследовательницы, их начали называть, видимо, со второй половины XV в. [12, р. 59–60]. Здесь стоит отметить, что и этот термин – «сооружение (edifizio)» также встречается при описании костров суеты.

Помимо этого, возможно, огненная феерия, связанная с уничтожением костра суеты, начиненного порохом, и потому сопровождавшаяся взрывами, могла содержать аллюзию на традиционную забаву горожан в упомянутый выше праздник Иоанна Крестителя. Конструкция костра и эффекты, связанные с его горением, напоминают устройства для фейерверков в ночь на 24 июня. Для сравнения обратимся к Вазари, подробно описавшему данную традицию: «Во Флоренции был обычаем почти что каждый год по случаю праздника святого Иоанна Крестителя на главной площади вечером под Иванову ночь сооружать жирандоль, то есть целую махину, набитую бураками, ракетами и другими искусственными огнями, и жирандоль эта имела то вид храма, то корабля, то утеса, а то и целого города или ада как вздумается изобретателю» [15, с. 827].

Итак, появившийся на площади Синьории во время карнавалов 1497 и 1498 гг. тематически оформленный «большой капаннуччо» – репрезентация, близкая по форме к традиционным праздничным представлениям горожан. Однако Савонарола, приурочив свои акции к масленичным торжествам, предпринял попытку изменить их внутреннее содержание – произвести христианизацию карнавала, превратив разгул плоти в торжество духа, что можно расценить как удар по самой сущности праздника.

Трансформация карнаваловых обычаев производилась монахом с привлечением тех же сил, с повышенной активностью которых было связано проведение прежних празднеств. Доминиканец обратился к молодежи, и, осуществляя реформу ее нравов, наполнил новым смыслом традиционные карнаваловые практики. Также как и в забаве с «шестами», дети продолжали выпрашивать деньги, однако не для себя, а в помощь «стыдливим беднякам»; склонность к жестокости и насилию, проявляемая во время игр в камни, бралась под контроль и направлялась на искоренение пороков и изъятие суетных вещей у горожан; собранная детьми в результате патрулирования Флоренции суета стала материалом для создания костра [8, р. 125; 7, р. 477; 9, р. 123, 127; 10, р. 93].

Таким образом, костер тщеты, организованный по инициативе брата, являл собой сосредоточенную в одном месте «анафему» – как пояснял своим читателям Якопо Нарди, «так называли похотливые и непристойные вещи, как преданные анафеме и проклятые Богом и канонами святой Церкви» [10, р. 92]. Суета, предназначенная к сожжению, представлялась в качестве «чертовщины», «дьявольских приспособлений», и, в свою очередь, фигура Карнавала, венчавшая сооружение костра, мыслилась как олицетворение Сатаны, Люцифера – предводителя всех грехов [8, р. 129–130]. Кажется, авторы этих сообщений смогли передать суть предпринятой монахом акции: флорентийцы, избравшие своим главой Иисуса Христа, совершают символический акт отказа от порочной жизни именно в то время, когда, согласно традиции, материально-телесное, греховное начало могло проявить себя с максимальной силой, во время карнавала. «Костер суеты», с одной стороны, выполнял функцию назидания, поучения, с другой – являлся формой пропаганды, связанной с прославлением общества, принявшего реформы городского пророка.

Однако представляется, что и в этом случае связь с языческим субстратом масленичного карнавала не была окончательно разорвана. Рассуждая о свойствах празднеств, М.М. Бахтин отмечал, что их основой является тесная связь со временем, его восприятием, что «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека», и «именно эти моменты... создавали специфическую праздничность праздника» [13, с. 14]. Также и костры суеты, устроенные Савонаролой, – ритуальное очищение, символизировавшее смену одного периода жизни (греховного) другим (благочестивым), – по сути, воспроизводили идеи смерти и возрождения, смены и обновления, присущие календарным празднествам, где смерть является амбивалентным образом, поскольку за ней следует рождение, где хаос (разрушение) неизбежно влечет за собой восстановление порядка природного или культурного [13, с. 9–18, 31–32].

В этом контексте, очевидно, следует судить, не только в целом о сценарии преобразованного монахом карнавала, но и о действиях детских отрядов, как во время «языческих», «дьявольских», так и «благочестивых» савонаролианских праздников. «Шесты», «капаннуччи» и «камни» могут расцениваться как символическое воплощение хаоса, разрушительного начала. Савонарола же попытался использовать это свойство праздничного поведения молодежи в своих целях, придав ему новый смысл и направление. Подчинив детей религиозной дисциплине, он стремился контролировать насилие в их среде, но, одновременно, дал, пусть и не желая того, стимул к его применению в борьбе с пороками флорентийского общества. Более того, монах наделил своих мальчиков правом ритуального разрушения изъятых в ходе инспектирования города суеты. Так, в описаниях карнавала

1497 г. отмечено, что кульминацией праздника стало поджигание костра четырьмя «кустодами» картьер – юношами, возглавлявшими детские отряды в одной из частей города. Заведовавшие «деструктивной частью» ритуала «четыре кустада ... поднесли означенный огонь к описанной выше куче, – отмечает Псевдо-Бурламакки, – при такой большой радости и веселии всего народа, какой требовал пожар суеты и дьявольских силков, это доставило радость не только мужчинам, женщинам и детям, но и творениям неодушевленным, и колокола палаццо, трубы Синьории, дудки и тамбурины звонили во славу великого торжества, посвященного Богу... под множество гимнов всего народа, пламя огня восходило к небесам, во славу Господа и к посрамлению Сатаны и его приспешников, все это сооружение было сожжено» [8, р. 132; 10, р. 93].

Сценарий праздника, – утренняя месса и причастие, послеобеденная торжественная процессия, возглавляемая мальчиками в ангельских облачениях и «обходящая город согласно обычаю» с пением гимнов и канцон [8, р. 132–134], – способствовал постепенному нарастанию экзальтации его участников, духовное напряжение которых нашло свое разрешение в момент поджигания костра. Какого рода переживания испытывали при этом сторонники партии брата, можно судить на основании приведенных выше слов анонимного плаксы. Особый душевный подъем он связывает с чувством освобождения от «дьявольских сетей», переходящим в ликование, которое распространяется на весь мир, где даже «неодушевленные» предметы принимают участие в общем торжестве, связанном с триумфом веры.

Итак, савонаролианские «костры суеты» имели скорее символическое значение, выполняя ярко выраженную назидательную и пропагандистскую функцию, выражавшуюся в призыве к пастве целиком и полностью очиститься от пороков, и, обратившись к «доброй жизни», утвердиться в статусе избранного Богом города. «Благочестивые» карнавалы, безусловно, производили определенный эффект: горожане, испытав эмоциональный подъем и ощущение принадлежности к некоему духовному единству, продолжали сохранять сформированные праздником настроения в течение какого-то времени, что позволяло монаху продолжать свою миссию по реформированию Флоренции. Однако анализ материала показал, что карнавальная реформа Савонаролы смогла образовать лишь тонкий пласт над мощной архаической основой праздника, довольно быстро исчезнувший после смерти инициатора преобразований.

Литература

1. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo. L'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Firenze, 1997.
2. Burlamacchi Pacifico // Enciclopedia italiana di scienza, lettere ed arti. Istituto Giovanni Treccani. Roma, MCMXXXIX. T. VIII.
3. Cambi Giovanni. Istorie / A cura Fr. Idelfonso di San Luidgi. // Delizie degli eruditi toscani. T. XXI. Vol. 2. Firenze, MDCCLXXXV.
4. Canzona d'un Piagnone pel Bruciamento delle Vanità nel Carnevale del 1498. Firenze, 1864.
5. Cerretani B. Storia fiorentina / A cura di Giuliana Berti. Firenze, 1994.
6. Ciappelli Giovanni. Carnevale e Quaresima. Comportamenti sociale e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma, 1997.
7. Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola. Firenze, 1898.
8. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937.
9. Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1516. Firenze, 1883.
10. Nardi I. Istorie della città di Firenze / A cura di Agenore Gelli. Vol.1. Firenze, 1858.
11. Pezzella S. La Chiesa al tempo del grande scisma e della crisi conciliare (1378–1449) // Storia della Chiesa dalle origine ai nostri giorni. Torino, 1967. Vol. XIV.
12. Ventrone P. La festa di San Giovanni: costruzione di un'identità civica fra rituale e spettacolo (secoli XIV–XVI) // Annali di Storia di Firenze. Vol. 2. Firenze: Firenze University Press, 2007.
13. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
14. Буркхард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 1996. 527 с.
15. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. 1278 с.
16. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М.: Ладомир, 1995. Т. 929 с.
17. Ченти Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. М., 1998. 272 с.
18. Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 720 с.